

Полицейское донесение президиуму Пражского земского политического управления о деятельности общества «Союз студентов — граждан РСФСР в Чехословацкой республике»

Прага

3 декабря 1923 г.

Союз студентов вузов — граждан РСФСР в Чехословацкой республике¹ имеет помещение в Кардине, ул. Палацкого, 79, у Забранских. Помещение союза — небольшая комната, окна которой выходят во двор дома. В этом же помещении находится также «Читальня Толстого», которая переехала сюда из гостиницы «У Левицких» на Виноградах.

В этом помещении 7 ноября 1923 г. Союз устроил торжественный вечер в честь 6-й годовщины социалистической революции в России; была направлена приветственная телеграмма как Центральному комитету пролетарских студентов СССР в Москве, так и представителю Советского правительства в Праге.

13 ноября 1923 г. «Союз» провел общее собрание, на котором был избран председателем Давид Григорьевич Штерн, проживающий в Буднянах у Карлова Тына, заместителями председателя — Константин Федорович Важенин, проживающий: Вршовице, ул. Палацкого 7, и Сергей Лазаревич Рогач, проживающий: Вршовице, ул. Нерудова 14, секретарем — Дмитрий Александрович Быстролетов, проживающий: Винограды, ул. Добровского 22 и казначеем — Николай Иванович Колпиков, [проживающий]: Нусле, ул. Добровского 163.

27 октября 1923 г. Союз организовал в Доме студентов на Альбертове пропагандистскую лекцию о положении в Советской России и социальном положении студентов в России, на которой выступили Сергей Платонов и Макарий Материкин. Эти двое 27 ноября 1923 г. отбыли из Праги в Россию.

Союзу уделяется постоянное внимание, о результатах наблюдения будет немедленно сообщено.

Рoubал

*SJA, Praha, PZU, 1921—1930, 8/1/12/
55, č. j. 36305/23, kar. 13, svazek 5.
Подлинник. Перевод с чешского.*

¹ См. док. 37, а также «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. I, с. 446—449.

*Сообщение представителя СССР в Чехословакии К. К. Юрнева в Народный Комиссариат иностранных дел СССР о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем**

Прага

3 января 1924 г.

Виделся сегодня с Бенешем. Разговор начался его информационным сообщением мне по поводу чешско-французского договора¹. По сло-

* Из письма в Народный Комиссариат иностранных дел СССР.

вам Бенеша, договор направлен к углублению в Европе демократии и против восстановления реакционных режимов Венгрии, Австрии и Германии.

Договор, по словам Бенеша, преследует, с точки зрения интересов Чехословакии, оборонительные цели против нарастающей мадьярской опасности и перспективы объединения Австрии с реакционной Баварией.

«Германия,— говорил Бенеш,— нам менее страшна, и не против нее будет направлена чехословацкая политика».

Далее, по словам Бенеша, в договоре не только нет пункта, направленного против нас, но даже нет пункта, обязывающего Чехословакию регулировать свою политику в русском вопросе с Францией. «Я имею в этой области совершенно свободные руки,— сказал Бенеш,— я добился этого от Пуанкаре; я не хочу тормозить развитие наших с вами отношений в случае неудачи переговоров между вами и Францией».

После этого Бенеш рассказывал мне о том, как настойчиво он добивался от Пуанкаре изменения его позиции в русском вопросе. «Мои усилия,— сказал он,— не остались бесплодными. Франция готова вступить в договорные отношения с Россией, но выставляет ряд предварительных условий. Я уполномочен правительством Пуанкаре сообщить [об этом] вашему правительству. Я должен пояснить, что моя миссия является глубоко конфиденциальной».

Пуанкаре просит ответа от правительства СССР на следующие вопросы:

- 1) готово ли оно уважать международные договоры и
- 2) согласно ли в принципе признать довоенные долги (20 с лишним млрд. франков).

Вопрос об условиях уплаты долгов СССР явится предметом специальных переговоров. Россия, конечно, получит долгосрочный мораторий.

Вопрос о возмещении убытков, понесенных гражданами Франции в России, также ставится в порядок дня переговоров с нами, но этот вопрос имеет, по словам Бенеша, второстепенное значение и не является условием начала франко-русских переговоров.

Первые два вопроса носят по существу ультимативный характер (Бенеш выразил эту мысль, конечно, мягче), и без положительного ответа на них трудно думать о переговорах.

Я ответил Бенешу в духе наших статей в «Известиях»² и в порядке частного любопытства спросил его, готова ли Франция в случае нашего положительного ответа на вышеуказанные вопросы тотчас же заявить нам о своей готовности признать СССР де-юре и немедленно приступить к открытым формальным переговорам. Бенеш несколько смутился и заявил, что на этот счет он ничего определенного сказать не может, но думает, что нам не следует опасаться какого-либо шантажа со стороны Пуанкаре и что он, Бенеш, никогда не взял бы на себя миссию быть звеном между нами и Францией, если бы не был уверен в серьезности намерений последней.

Приняв все сказанное Бенешем к сведению, я заявил, что незамедлительно доложу моему правительству о его предложении. Бенеш поблагодарил и сказал, что наш ответ он немедленно по телеграфу передаст Пуанкаре.

«Наши предварительные разговоры,— добавил он,— должны быть абсолютной тайной, ибо лучше не начинать открытых переговоров, чем начать их и затем разойтись, не договорившись. Я хочу найти конфи-

циально прочную базу для будущих формальных переговоров между вами и Францией».

Местом франко-русских переговоров Бенеш хотел бы видеть Прагу.

О чешско-русских отношениях Бенеш высказался достаточно определенно. Он прямо сказал мне, что энергично работает над подготовкой почвы в ЧСР для признания нас де-юре. «После конференции М[алой] Антанты³, — сказал он, — я поеду в Лондон, где буду иметь совещание по русскому вопросу с моим интимным другом Макдональдом⁴. Как только Англия признает вас, мы последуем ее примеру. Мы не будем ждать Францию. Далее, мы не последуем примеру шантажиста и вымогателя Муссолини⁵, который хочет получить с вас плату за признание. Мы это сделаем совершенно бескорыстно. Мы предпочитаем извлечь пользу из установления нормальных отношений между ЧСР и СССР после начала таких».

«Есть одна тяжелая проблема для меня, — сказал Бенеш, — связанная с признанием России де-юре, — это вопрос о русской эмиграции в ЧСР. Мы не можем махнуть рукой на этих людей, со многими из коих мы связаны весьма тесными узами и по отношению к которым мы чувствуем себя морально обязанными». «Но, — сказал он, — эмиграция все же будет ликвидирована. Мы еще в Вами поговорим о способах ее ликвидации, но одним из лучших, я полагаю, явилась бы амнистия, прокламированная вашим правительством».

Я ответил на это указанием, что амнистия уже неоднократно имела место в России и что ею все же не пожелали воспользоваться многие и многие эмигранты.

В дальнейшем разговор перешел к вопросу о русско-румынских отношениях⁶. Бенеш довольно откровенно сказал, что он хочет помочь Румынии и тем самым ослабить в ней польское, а также итальянское влияние.

«Я хочу, чтобы Румыния теснее сплотилась с нами и с Югославией; я знаю, — говорил он, — что рассчитывать на румынскую активность в деле защиты линии Малой Антанты нам не приходится. Я преследую лишь негативные цели: хочу обезвредить Румынию, добиться того, чтобы она не перешла при подходящей ситуации на сторону наших врагов».

По мнению Бенеша, Дука и Братиану⁷ будут требовать оставления Румынии всей Бессарабии. Далее Бенеш полагает, что в случае, если румынско-советские переговоры⁸ сейчас сорвутся, то неизбежным последствием этого будет правительственный кризис в Румынии и, как результат его, образование правительства, более склонного к компромиссной политике в вопросе о Бессарабии. Бенеш добавил, что не исключена возможность обмена Бессарабии на золотой фонд. Смеясь он сказал мне, что «как румыны, так и вы запросите сразу очень много, а потом пойдете на уступки».

Говоря об отношениях между С[ербо]-Х[орвато]-С[ловенским королевством] и СССР, Бенеш высказал мнение, что Югославия не имеет пока никакой политической линии в отношении нас, что до сих пор вокруг русского вопроса ведется главным образом борьба карьеристов разных группировок.

Бенеш думает, что нам нечего очень спешить с установлением договорных отношений с Югославией. Он полагает, что мы можем в этом вопросе подождать, что признание СССР со стороны Югославии последует незамедлительно после того, как это сделают одна или две из великих держав и... Чехословакия.

Белградскую конференцию М[алой] Антанты⁹ Бенеш считает мало-важной с точки зрения решения русского вопроса. При этом он дал мне понять, что его предстоящая поездка в Лондон несравненно важнее Белградской конференции. Союз всей М[алой] Антанты с Францией, по словам Бенеша, не будет. «Этот союз не нужен; Франция может проводить свою политику в М[алой] Антанте через нас», — сказал он. На этом разговор и окончился.

Юрнев

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. VII. М., 1963, с. 11—13.

- ¹ Франко-чехословацкий договор о союзе и дружбе был подписан 25 января 1924 г. в Париже. Обе стороны обязывались консультироваться друг с другом «по всем вопросам внешней политики, способным поставить под угрозу их безопасность», а также согласовывать между собой меры, которые необходимо было бы предпринять в случае нарушения Версальского, Сен-Жерменского и Трианонского договоров и других союзнических соглашений. Особо оговаривалась необходимость принятия совместных мер в случае угрозы присоединения Австрии к Германии и опасности реставрации Габсбургов в Венгрии или Гогенцоллернов в Германии.
- Вопреки заверениям Бенеша, о которых говорится в комментируемом документе, инициаторы договора рассматривали его в качестве одного из средств усиления анти-советского «санитарного кордона» в Восточной Европе.
- ² Вопросам советско-французских отношений была, в частности, посвящена статья редактора «Известий» Ю. М. Стеклова от 25 декабря 1923 г. и беседа народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина с корреспондентом «Известий», опубликованная 1 января 1924 г.
- ³ Имеется в виду конференция министров иностранных дел стран Малой Антанты, которая проходила в Белграде 10—12 января 1924 г.
- ⁴ Макдональд Д. Р. (1866—1937) — английский государственный и политический деятель, один из лидеров лейбористской партии. В 1924 и 1929—1931 гг. — премьер-министр.
- ⁵ Муссолини Б. (1883—1945) — глава итальянских фашистов. В 1922—1943 гг. — фашистский диктатор Италии. Казнен итальянскими партизанами.
- ⁶ Советско-румынские отношения с самого начала были осложнены незаконной оккупацией Бессарабии румынскими войсками в конце 1917 г. Румыния не выполнила обязательства эвакуировать свои войска с территории Бессарабии, взятые на себя по советско-румынскому договору от 5 марта 1918 г., и уже 9 марта 1918 г. официально объявила о присоединении Бессарабии. 7 мая Румыния подписала с Германией Бухарестский договор, закреплявший за нею этот захват. Державы Антанты 20 марта 1920 г. особой нотой признали «права» Румынии на Бессарабию, а 28 октября того же года без участия Советского правительства подписали в Париже так называемый Бессарабский протокол, признававший вопреки воле населения Бессарабии суверенитет Румынии над Бессарабией. Советское правительство никогда не признавало насильственной аннексии Бессарабии Румынией и в целом ряде нот решительно протестовало против протокола, подписанного в Париже. Стремясь к урегулированию отношений с Румынией, Советское правительство неоднократно предлагало решить вопрос о Бессарабии путем проведения референдума среди ее населения, но неизменно встречало отказ со стороны румынского правительства. Это, в частности, было причиной срыва переговоров, проходивших в 1921 г. в Варшаве и в 1924 г. в Вене. Чувствуя непрочность своих позиций, Румыния стремилась заручиться гарантиями Франции, Италии и поддержкой своих союзников по Малой Антанте.
- ⁷ Братяну И. (1864—1927) — румынский государственный деятель. В 1922—1926, 1927 гг. — премьер-министр.
- ⁸ Имеются в виду советско-румынские переговоры в Вене. См.: «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, с. 531.
- ⁹ См. док. 61.